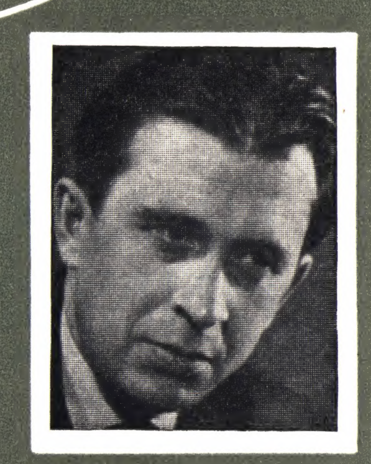

АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН

Библиотечка
избранной
лирики

АНАТОЛИЙ ЖИГУЛИН

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия"
1965

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Самый факт, что мы имеем возможность писать предисловия к стихам таких людей, как Анатолий Жигулин, глубоко отраден. Он говорит о том, что история, как бы ни «петляла», все ставит на свои места, что истина торжествует и «всему выходит срок».

Жигулин из тех, кого мы уже привыкли называть людьми трудной судьбы. Кроме того, он поэт, и поэт настоящий.

Я знаю, теперь кое-кто говорит о подобных Жигулину: «Что ж, ему хорошо. У него т е м а, она и вывезет. А вот каково нам?» Нам — это людям, которым не о чем писать.

Мне же кажется, что писать о трудном гораздо труднее, чем болтать о пустяках.

И Жигулин — человек, привыкший к трудностям,— вновь выходит из поединка с победой. Его лучшие стихи — это не только большая поэзия, но и большая человечность, большая вера в людей, в теплоту рабочих сердец, в труд и жизнь. Сохранить такую веру, пронести ее сквозь пережитое — это действительно большая победа. И здесь поэту помо-

гает чувство, что он не один. Это хочется особенно подчеркнуть. Поэт постоянно ощущает духовную связь со своими друзьями и другими честными людьми, которые не устанут бороться за торжество высоких человеческих истин. О чем бы он ни писал, он помнит об этом:

Цветы, цветы...
Они — как люди:
Им легче, если много их.

А иногда и прямо обращается к товарищам:

...Ребята! Я снова с вами!
Сердце мое разогрейте кострами —
Я еще многое сделать смогу!

Кто знает, быть может, многим из нас, порою слишком суетливым и озадаченным сложностью жизни, следует почаще обращаться к таким поэтам, как Анатолий Жигулин.

Вот и все, что я хотел сказать.

Не буду излагать биографию поэта: она, как говорится, в его стихотворениях. Только добавлю «для справки», что Жигулин после работы на Севере окончил Воронежский лесотехнический институт, писал стихи, печатался в Москве и в Воронеже.

О талантливых же и искренних его произведениях судите сами. Их здесь немного, но и они дают представление о поэте и человеке.

Вл. Гусев

ПОЛЯРНЫЕ ЦВЕТЫ

Сползла машина с перевала.
И в падях,
Что всегда пусты,
Нас будто всех околдовало, —
Мы вдруг увидели
Цветы!

И разом ахнули ребята,
Нажал водитель на педаль:
Была светла и розовата
От тех цветов глухая даль.

И через каменные глыбы
По чахлым ивовым кустам,
Не в силах потушить улыбок,
Мы побежали к тем цветам.

Студент-геолог, умный парень,
Заспорить с кем-то был готов,
Что, дескать, только в Заполярье
Известен этот вид цветов.

Но порешили, кто постарше,
На спор поставив сразу крест,
Что те цветы, конечно, наши —
Из тульских и рязанских мест.

Что просто здесь,
В сторонке дальней,
В просторах вечной мерзлоты,
Они немножечко печальней
И чуть суровей, те цветы.

И под нависшим серым небом
С колымским талым ветерком
Дохнуло вдруг соломой, хлебом,
Коровьим теплым молоком...

Цветы, цветы...
Они — как люди:
Им легче, если много их.
Где мы еще теперь побудем,
Каких путей хлебнем земных?..

Уж пятый час трясется кузов.
И склоны гор опять пусты.
А мы в ладонях заскорузлых
Все держим нежные цветы...

ЗОЛОТО

Глыбу кварца разбили молотом,
И, веселым огнем горя,

Заблестели крупинки золота
В свете тусклого фонаря.

И вокруг собрались откатчики.
Редкий случай, чтоб так, в руде!
И от ламп заплясали зайчики,
Отражаясь в черной воде...

Мы стояли вокруг,
Курили,
Прислонившись к мокрой стене,
И мечтательно говорили
Не о золоте —
О весне.

И о том, что скоро, наверно,
На заливе вспотеет лед
И, снега огласив сиреной,
Наконец, придет пароход...

Покурили еще немного,
Золотинки в кисет смели.
И опять по своим дорогам,
К вагонеткам своим пошли.

Что нам золото?
В дни тяжелые
Я от жадности злой не слеп.
Самородки большие, желтые
Отдавал за табак и хлеб.

Не о золоте были мысли...
В ночь таежную

У костра
Есть над чем поразмыслить в жизни,
Кроме
Золота-серебра.

НОЧНАЯ СМЕНА

Из штольни вышли в пыльных робах,
На свет взглянув из-под руки.
И замелькали на сугробах
Густые черные плевки.

Не выключив аккумуляторы,
Бурами длинными звеня,
Ночная смена шаг печатала
В начале северного дня.

Под сапогами гравий вздрагивал
И проминался грязный мох.
Внизу над полотняным лагерем
Курился розовый дымок.

Нас ждал барак с двойными нарами,
Что сварены из ржавых труб.
С плакатами довольно старыми
Нас ждал холодный, тесный клуб.

Но было весело и молодо
Идти дорогою крутой.
На сопках снег,
Как сахар колотый,
Лучился нежной чистотой.

Чернели кедры обгорелые...
И утверждал тот строгий вид,
Что мир из черного
И белого,
По существу, и состоит.

ФЛАЖКИ

Флажки на трассе в снежной шири...
Но будет речь о них потом.
А раньше
Слово о чифире —
Напитке горьком и густом.

То крепкий чай,
Как деготь, черный.
На Колыме в далекий путь
Берут его с собой шоферы,
Чтоб за баранкой не уснуть.

Знакомый фельдшер с автобазы
Не раз предупреждал ребят:
«Не пейте, братцы, той заразы.
Чифир для сердца — страшный яд!»

Но выл буран за тонкой дверцей,
А мы не спали пять ночей,
И было нам
Плевать на сердце
И на советы всех врачей!

Нам было надо без отрыва
До боли всматриваться в ночь,
Чтоб не сорваться вниз с обрыва,
Чтобы в беде друзьям помочь!

Кипел чифир в консервных банках,
Дороге не было конца,
И стыли руки на баранках,
Стучали бешено сердца.

И чтоб за нами
Без помехи
Другие шли грузовики,
Мы ставили в сугробы вехи —
На палках красные флажки.

И пусть теперь от боли резкой
Сожмется сердце иногда —
Мы так же молоды и дерзки,
Как в те нелегкие года.

Ведь там,
Где мы бывали в рейсах,
На тех путях,
На той земле
Оставлены частицы сердца
Флажками красными во мгле!

БЕРЕЗА

Звенел топор, потом пила,
Потом последнее усилье,

Береза медленно пошла,
Нас осыпая снежной пылью.

Спилили дерево не зря —
Над полотном, у края леса
Тугие ветры декабря
Могли свалить его на рельсы.

Его спилили поутру.
Оно за насыпью лежало
И тихо-тихо на ветру,
Звеня сосульками, дрожало...

Зиме сто лет еще мести,
Гудеть в тайге, ломая сосны.
А нам сто раз еще пройти
Участок свой
По шпалам мерзлым.

И как глухой сибирский лес,
Как дальний окрик паровоза,
Нам стал привычен темный срез.
Большая мертвая береза.

Пришла весна,
И после вьюг,
С ремонтом проходя в апреле,
Мы все остановились вдруг,
Глазам испуганно не веря:

Береза старая жила.
Упрямо почки распускались.

На ветках мертвого ствола
Сережки желтые качались!..

Нам кто-то после объяснил,
Что бродит сок в древесной тверди,
Что иногда хватает сил
Ожить цветами
После смерти...

Еще синел в низинах лед
И ныли пальцы от мороза.
А мы смотрели,
Как цветет
Давно погибшая береза.

ВОСПОМИНАНИЕ

Среди невзгод судьбы тревожной
Уже без боли и тоски
Мне вспоминается таежный
Поселок странный у реки.

Там петухи с зарей не пели,
Но по утрам в любые дни
Ворота громкие скрипели,
На весь поселок тот — одни.

В морозной мгле дымили трубы.
По рельсу били — на развод.
И выходили лесорубы
Нечетким строем из ворот.

Звучало:
«Первая!.. Вторая!..»
Под строгий счет шеренги шли.
И сосны, ругань повторяя,
В тумане прятались вдали...

Немало судеб самых разных
Соединил печальный строй.
Здесь был мальчишка, мой соклассник,
И Брестской крепости герой,
В худых, заплатанных бушлатах.

В сугробах, на краю страны —
Здесь было мало виноватых,
Здесь больше было —
Без вины.

Тут был и я.
Я помню твердо
И лай собак в рассветный час,
И номер свой — пятьсот четвертый,
И как по снегу гнали нас...

Я не забыл:
В бригаде БУРа
В одном строю со мной шагал
Тот, кто еще из царских тюрем
По этим сопкам убегал.

Я с ним табак делил, как равный.
Мы рядом шли в метельный свист:

Совсем юнец, студент недавний,
И знавший Ленина чекист...

О люди,
Люди с номерами!
Вы были люди, не рабы.
Вы были выше и упрямей
Своей трагической судьбы.

Я с вами шел в те злые годы.
И с вами был не страшен мне
Жестокий титул «враг народа»
И черный
Номер
На спине.

ХЛЕБ

Б. Ручьеву

Нет, в нем не попадались ости,
В нем не горчила лебеда.
Он не был ни сырым, ни черствым —
Тот хлеб хорошим был всегда.

Одно лишь свойство отличало
Тот хлеб от хлеба лучших дней:
Его всегда недоставало
В суровой юности моей.

Он связан был с тяжелой нормой,
С делянкой дальней и глухой.

С покрытой инеем платформой,
С гудящей, дымною тайгой.

Та связь была простой и грозной...
Под крики «бойся!», брань и смех
Деревья в воздухе морозном
Со стоном падали на снег.

Та связь, наверное, издревле
Была началом всех начал:
Кто больше в день валил деревьев,
Тот больше хлеба получал.

Я все забыл...
Ожоги ветра,
Друзей угрюмых имена.
А норма — двадцать кубометров —
Доныне помнится она...

В барак входили в клубах пара,
Ногами топая в сенях,
И сразу падали на нары,
Тяжелых валенок не сняв.

А хлеб несли из хлеборезки.
Был очень точно взвешен он.
И каждый маленький довесок
Был щепкой к пайке прикреплен.

О горечь той обиды черной,
Когда порой по вечерам

Не сделавшим дневную норму
Давали хлеба двести грамм!..

Прошли года.
Теперь, быть может,
Жесток тот принцип и нелеп.
Но сердце до сих пор тревожит
Прямая связь:
Работа — хлеб.

ТРЕСКА

Надоела она,
Надоела чертовски!
Даже повар вздыхал, как от горькой тоски,
Разбивая бочонков смоленые доски,
Прикасаясь
К просоленным спинам трески.

Мы ругались обидными, злыми словами,
Мы начальству
Упреки бросали в глаза.
А начальство в ответ
Разводило руками,
Говорило,
Что к стройке проехать нельзя.

Что машины везут и консервы и фрукты,
Но дороги в пургу не легки, не близки,
Что на складе совсем не осталось продуктов,
Кроме этой питательной,
Вкусной трески.

Мы работу на выемке бросить могли бы,
Но, ломая кедрового стланца кусты,
Мы мочили в ручье
Эту жесткую рыбу,
Ржавым тросом проткнув
Золотые хвосты.

А она ни за что не хотела быть пресной,
Наша грубая пища, соленый наш хлеб.
Мы работали честно.
Угрюмо, но честно.
На работе на этой мужал я и креп.

Мы работали дружно,
До едкого пота.
И ребята острили:
«Кто воду не пьет,
Кто тресочку не ест, тот не может работать —
Богатырскую силу треска придает!..»

А во время обеда,
Мусоля окурки,
Мы в костры подвигали пихтовую смоль.
И на наших промокших брезентовых куртках
Выступала
Густая
Хрустящая соль.

БУРУНДУК

Раз под осень в глухой долине,
Где шумит Колыма-река,

На склоненной к воде лесине
Мы поймали бурундука.

По откосу скрепер проехал
И валежник ковшом растряс.
И посыпались вниз орехи,
Те, что на́ зиму он запас.

А зверек заметался, бедный,
По коряжинам у реки.
Видно, думал:
«Убьют, наверно,
Эти грубые мужики».

— Чем зимой-то будешь кормиться?
Ишь ты, рыжий какой шустряк!.. —
Кто-то взял зверька в рукавицу
И под вечер принес в барак.

Тосковал он сперва немножко,
По родимой тайге тужил.
Мы прозвали зверька Тимошкой.
Так в бараке у нас и жил.

А нарядчик, чудак-детина,
Хохотал, увидав зверька:
— Надо номер ему на спину.
Он ведь тоже у нас — зека́!..

Каждый сытым давненько не был.
Но до самых теплых деньков
Мы кормили Тимошу хлебом
Из казенных своих пайков.

А весной, повздыхав о доле,
На делянке под птичий щелк
Отпустили зверька на волю.
В этом мы понимали толк.

У КОСТРА

Мороз лютует три дня подряд.
На трассе колымской костры горят.
Шумно греется у огня
Чумазая шоферня...

О Колыма!
Край жестоких вьюг!
Здесь легче шагать, если рядом друг.

Когда в непогоду не видно вех
И стынет заглохший мотор,
Здесь говорят:
«Костер — человек», —
Если греет костер...

Усталые люди на пламя глядят.
Могучие «татры» надрывно гудят.
Вцепились корнями в гранитный откос
Младшие сестры российских берез...

Владей моим сердцем,
Навеки владей,
Край жил золотых
И железных людей!

Сдирая с ушанки намерзший снег,
Смотрю сквозь пламя на гребни гор
И повторяю: «Костер — человек!
Жарче пылай, костер!»

ЛИСИЦА

Над кроватью — рога оленьи,
Древний дедовский самопал.
Я в лесное твое селенье,
Словно в сказочный мир, попал.

Дятлы щелкают деловито,
Просыпаются — чуть заря.
Возле берега на ракитах
Сохнут мокрые вентеря.

А вокруг —
Смоляные дали.
На сто верст вокруг —
Все леса!..
По оврагу в седьмом квартале
Ходит огненная лиса.

Воздух нюхает черным носом,
Прячет в нору своих детей.
Пахнет рыбою по откосам
От намокших в реке сетей.

Как лисята,
Рыжеют листья,

Мягко падают на крыльцо...
Знаешь,
Есть в тебе что-то лисье,
Может, эти глаза с хитрецой?..

Улечу я на самолете,
На скрипучем, старом ПО-2.
Всхлипнут кулики на болоте,
И застынут в горле слова.

Долго будут потом мне сниться
Ленты желтые в волосах,
Злые огненные лисицы
В непонятных твоих глазах.

ХОЗЯЙКА

Ирине

Как тяжело лежать в больнице
И ждать свиданья день за днем.
Смотреть, как желтые синицы
На ветках скачут за окном.

Халатов стираная байка,
Больничных кленов хмурый вид...
— Иди, пришла твоя хозяйка! —
Мне санитарка говорит.

А ты еще и не хозяйка.
И впереди немало бед.

Еще попробуй угадай-ка,
Хозяйкой будешь или нет.

И мне еще грудную клетку
Хирурги будут потрошить.
И случай мой довольно редкий.
И неизвестно, буду ль жить.

И у меня еще невеста,
Нежна и ласкова со мной.
Боится, потеряет место,
Когда уйду я в мир иной.

Беду считая неминучей,
Совсем не чувствуя греха,
Она уже на всякий случай
Другого ищет жениха.

Я страхом смерти был опутан,
Не различал добра и зла.
Но ты пришла и страх мой лютый
С невестой вместе прогнала...

Еще нетвердо сердце билось,
Тугим прихваченное швом.
Но ты пришла и утвердилась
В нем неокрепшем, но живом.

И выходил я в сад больничный,
Где на ветру пучки травы.
И голоса густые птичьи

Кричали мне:
— Живи! Живи!..

Синиц трепещущая стайка
Справляла жизни торжество.
И рядом шла моя хозяйка,
Хозяйка сердца моего.

* * *

Где теперь ты, рыжая? Скажи.
Словно бы тебя и не бывало.
Словно бы от горечи и лжи
Сердце по частям не убывало.

И другая ждет меня теперь,
Та, что я в тебе искал напрасно.
После всех сомнений и потерь
Многое мне нынче стало ясно.

Словно бы поднялся на скалу
И увидел под собой с вершины
Сосны, погруженные во мглу,
Пройденные кручи и долины.

И видна мне
С гулкой высоты,
За дрожащей рябью бездорожья,
Маленькая-маленькая ты,
Что осталась где-то у подножья.

РОДИНА

Помню я: под сенью старых вишен
В том далеком,
В том донском селе
Жили пчелы в камышовых крышах —
В каждой камышинке по пчеле...

Родина!
Простая и великая.
В давнем детстве, от беды храня,
Древними архангельскими ликами
Строго ты смотрела на меня...

А потом,
Позвав в края суровые,
Где весной не встретишь зеленя,
Жизнь взвалила рельсы стопудовые
На худого, юного меня.

Я копал руду на Крайнем Севере.
Много лет я молока не пил.
Только ты, земля моя,
Не верила,
Что тебе я в чем-то изменил.

Все прошел я:
Трудные дороги,
Злой навет и горькую беду,
Чтобы снова пальцами потрогать
Пыльную в канаве лебеду.

Я опять с тобой,
Земля просторная,
Где за клином старого жнивья
Под горой стоит село Подгорное —
Родина негромкая моя,

Где висит над хатой
Месяц рыжий,
Где в прозрачной, невесомой мгле
Пчелы спят под камышовой крышей —
В каждой камышинке по пчеле...

ПОЭЗИЯ

И. Н.

Стоят дубы задумчивы, тихи.
По желтой просеке уходит лето.
Ты мне читаешь грустные стихи
Какого-то салонного поэта

О том, как где-то
В городе пустом
На мерзлых стеклах
Тает чья-то нежность...
А мы в лесу, в орешнике густом
Вдыхаем жадно
Утреннюю свежесть.

Я не люблю бескровные слова,
Холодные, искусственные строки.
Зачем они,

Когда шуршит трава,
Поют синицы и трещат сороки?

Взгляни вокруг!
Открой свои глаза,
Зеленые нетающие льдинки.
Большая золотая стрекоза
Качается на тонкой камышинке!..

Поэзия!
Она всегда жива,
Ей чужды стекол мертвые узоры.
Она растет и дышит,
Как листва,
Как гордая осока на озерах.

Ей тесен мир условной бахромы
И вздохов у замерзшего оконца...
Поэзия — она живет, как мы.
Она не может
Без любви и солнца!

ЛИСЕНОК

Привезу тебе лисенка.
До апреля подожди.
Отвяжу с мешка тесемку.
— Ну-ка, рыжий, выходи!

Выйдет робкий несмышленыш,
Головастый и смешной,

Лисий маленький детеныш,
Черноглазый зверь лесной.

Будет фыркать он спросонок.
Скажут все наперебой:
— У Ларисы есть лисенок.
Не игрушечный — живой!

У Ларисы — носик лисий,
Золотистая коса.
И поэтому Лариса
Не Лариса, а — лиса!

* * *

Давно с берез слетели листья.
И на рябинах у крыльца
Повисли трепетные кисти,
Как обнаженные сердца.

И всюду видится нетвердость,
Непостоянность бытия...
И не горит, как мокрый хворост,
Душа притихшая моя.

И сердце бьется неприметно.
Оно устало на весу
Дрожать от холода и ветра
В пустом, неприбранном лесу.

ГРАД

Побило градом яблони,
Ударило из мглы,
Сломало, словно ядрами,
Некрепкие стволы.

В лохмотья измочалена
Зеленая кора.
Стояли и молчали мы
Над грудой серебра.

Обняв руками деревце,
Разбитое вконец,
«И что же это деется?..» —
Чуть выдохнул отец.

Погибла в утро летнее
С деревьями в соку
Мечта его.
Последняя,
Быть может, на веку...

О градины небесные!
Вы очень нам горьки.
Но били нас увесистей
Земные кулаки.

До сей поры не найдены,
В метели и в дожди
Болят шальные градины
Под ребрами в груди.

Войною ли,
Обидами,
Пайком гнилой крупы —
Сполна нам было выдано
Ударов от судьбы.

...Настанут дни погожие:
Добавим в грунт золы,
Закутаем рогожами
Разбитые стволы.

Наплывами затянется
Кора, где выбил град.
И выдюжит,
Поправится
Наш перебитый сад.

ЗЕМЛЯ

Мы сначала снимали
Твой снежный покров.
Кисти мерзлой брусники
Алели, как кровь.

Корни сосен рубили
Потом
Топором,
И тебя обжигали горячим костром.

А потом мы ругались,
Суглинок кайля:

До чего ж ты упряма,
Родная земля!

Наконец ты сдавалась,
Дымясь и скорбя.
Мы ведь люди, земля!
Мы сильнее тебя.

КНИГИ СТИХОВ А. В. ЖИГУЛИНА

(Библиографическая справка)

«Огни моего города».
Воронежское книжное издательство, 1959.

«Костер — человек».
Воронежское книжное издательство, 1961.

«Рельсы».
М., изд-во «Молодая гвардия», 1963.

«Память».
Центрально-Черноземное книжное издательство. Воронеж, 1964.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя 3

Полярные цветы 5
Золото 6
Ночная смена 8
Флажки 9
Береза 10
Воспоминание 12
Хлеб 14
Треска 16
Бурундук 17
У костра 19
Лисица 20
Хозяйка 21
«Где теперь ты, рыжая? Скажи...» . 23
Родина 24
Поэзия 25
Лисенок 26
«Давно с берез слетели листья...» . . 27
Град 28
Земля 29

Книги стихов А. В. Жигулина . . . 31

Жигулин Анатолий Владимирович

ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА. М., «Молодая гвардия», 1965.

32 с. («Б-чка избранной лирики»)

Р2

Редактор *И. Грудев*
Художник *А. Власова*
Художественный редактор *Н. Коробейников*
Технический редактор *Л. Коноплева*

А02638. Подп. к печ. 13/V 1965 г. Бум. $70 \times 108^{1}/_{32}$. Печ. л. 1(1,4). Уч.-изд. л. 1. Тираж 100 000 экз. Зак. 241. Цена 5 коп. СПХЛ 1965 г., № 512.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

5 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ